

УДК 81.42

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ АДРЕСАНТА И АДРЕСАТА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ МОНАРХОВ: НА МАТЕРИАЛЕ «МЕТРИКИ ВКЛ» 1585 – 1600 ГГ.

PERSONAL PRONOUNS AS A MEANS OF LINGUISTIC EXPLICATION OF THE ADDRESSER AND THE ADDRESSEE IN THE DIPLOMATIC CORRESPONDENCE OF MONARCHS (BASED ON THE 1585 – 1600 "METRIC OF THE GDL")

К. А. Третьякова

K. A. Tratsiakova

БГПУ (Минск)

Науч. рук. – Н. В. Соловьева, канд. филолог. наук, доцент

В статье рассматриваются особенности употребления личных местоимений *ты* и *вы* в текстах дипломатической переписки государей Речи Посполитой и Московского государства, сохранившихся в составе «Метрики ВКЛ» 1585 – 1600 гг. В результате анализа документов делается вывод об отсутствии нормы в употреблении личных местоимений как средства языковой экспликации адресанта и адресата в изучаемый исторический период.

This article discusses the features of the use of second person pronouns in the texts of the diplomatic correspondence of the sovereigns of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Moscow State, preserved in the 1585 – 1600 "Metric of the GDL". As a result of the analysis of the documents, it is concluded that there is no norm in the use of personal pronouns as a means of language explication of the addresser and the addressee in the studied historical period.

Ключевые слова: XVI век, дипломатический дискурс; языковая экспликация; личные местоимения; адресант; адресат.

Key words: 16th century; diplomatic discourse; language explication; personal pronouns; addresser; addressee.

Книга 594 «Метрики Великого княжества Литовского» [2], в составе которой представлены документы внешнеполитических отношений Московского княжества и Великого княжества Литовского с 1585 по 1600 гг., представляет научный интерес не только с исторической, но и с лингвистической, в частности, с коммуникативной точки зрения, поскольку непростые отношения, которые складывались в этот период между соседними державами, неизбежно и закономерно отражались во внешнеполитическом дискурсе обоих государств. Наиболее показательными в этом отношении являются особенности языковой экспликации адресанта и адресата в дипломатической переписке между московским государем Федором Ивановичем и польско-литовским правителем Сигизмундом III.

Ввиду особенностей дипломатического дискурса как дискурса институционального, статусно ориентированного, главное значение имеет демонстрация себя не как личности, а как обладателя определенного социального статуса, который обозначает положение человека в социальной системе и регламентирует дальнейшее общение [1]. Однако в контексте «Метрики ВКЛ» проявление личностных амбиций монархов является если не ключевым, то весьма важным, что вполне характерно для изучаемого исторического периода. Это связано с равным социальным статусом адресанта и адресата в лице монархов: они являются верховными представителями государственной власти. Отсюда вытекает желание продемонстрировать оппоненту свое величие, свою волю и независимость.

Из функций внешнеполитического дискурса, выделяемых Е. И. Шейгал [4], наибольший интерес для нашего исследования представляет развитие конфликта и

установление консенсуса. Примером тому служит письмо московского государя Федора Ивановича о нарушении мирного договора польской стороной (1592 г.): *А ныне к тебе, Жыкгимонту королю, послали есмо с нашим посланникомъ с Офонасьемъ Резановымъ обидным делом списокъ, которые обиды и убытки нашим людям от твоих людей в перемирные лета учинили ся, и ты б, Жыкгимонтъ король, по тому списку темъ обидным деломъ росправу учинити велель* [2, с. 195].

Особый интерес в приведенном отрывке представляет языковая экспликация адресата в лице польского государя Сигизмунда в контексте обострившихся внешнеполитических отношений между двумя государствами. Московский государь использует местоимение 2-го лица единственного числа *ты* по отношению к адресату, при этом себя называет местоимением 1-го лица множественного числа *мы*: *И мы, великии господарь царь и великии князь Федор Ивановичъ всея Руси, для тебе, Жыкгимонта короля, <...>, велели нашимъ бояром с твоими послы о техъ городех договор чынити, <...>* [2, с. 195]. Характер риторики послания дает основание определить местоимение *мы* как «*Мы* - величия». Употребление местоимения *мы* как «*Мы* - величия» с целью показать величие московского государя, его знатность и независимость отмечается в русском языке с конца XIV века [3]. Если рассматривать местоимение *ты* как семантическую оппозицию местоимению *мы* в значении «*Мы* - величия», это дает основание трактовать его в уничижительном аспекте, как «*Ты* - уничижения».

Традиционной в лингвистике является точка зрения, согласно которой исконно русское обращение «на *ты*» до XVII века было единственным и, следовательно, стилистически нейтральным в любой речевой ситуации, в то время как форма вежливости с местоимением *вы* только начинала оформляться. Как отмечает Е. В. Резникова, такая форма в русском языке – достояние Нового времени, потому как первым на русских землях «последовательно вежливым» стал Петр I (конец XVII века), причем такую «последовательность» император соблюдал лишь в посланиях зарубежным государям, а в переписке с соотечественниками форму вежливости он либо употреблял непоследовательно, либо вовсе не употреблял [3].

С одной стороны, такая точка зрения ставит под сомнение уничижительный характер местоимения *ты*. С другой стороны, как отмечает Е. В. Резникова, прагматические различия передавались с помощью контекстуальных средств, и это наблюдение в полной мере подтверждается лингвистическим материалом дипломатической переписки монархов в «Метрике ВКЛ». Сопоставив два документа, мы выявили существенные отличия в используемых контекстуальных средствах. Ср.: 1) *<...> и ты б, Жыкгимонтъ король, по тому списку темъ обидным деломъ росправу учинити велель* [2, с. 195], 2) *<...> и тебе, великого господара Жыкгимонта, Божью милостью короля полского и великого князя литовского <...> о докончаньи и о вечномъ соединеньи и всяких о добрых делех* [2, с. 136]. О различной прагматической тональности свидетельствуют, во-первых, контекстуальные антонимы «обидный» в первом примере и «добрый» во втором. Во-вторых, в обращении к Сигизмунду использованы различные варианты титулатуры. При этом очевидно, что характер риторики определяют внешнеполитические реалии: первая переписка относится к периоду обострения отношений, связанного с нарушением мирного договора польской стороной (1592 г.), поэтому адресант, как мы полагаем, целенаправленно не использует в обращении к оппоненту полный или сокращенный титул, а своего рода пренебрежительное обращение «*Жыкгимонт король*». Второй документ, наоборот, связан с ратификацией мирного договора (1591 г.), что предполагает создание благоприятной, дружественной атмосферы,

которая реализуется посредством использования полного титула монарха «*великий господар Жыкгимонт, Божью милостью король полский и великий князь литовский*». Соответственно, семантика местоимения *ты* в анализируемых документах различна ввиду экстралингвистических факторов. Таким образом, в первом анализируемом примере адресант обращается к оппоненту на *ты* с интенцией принижения или даже оскорбления, а во втором – употребление местоимения *ты* подчеркивает дружественные намерения адресанта.

В ответе Сигизмунда III на письмо московского государя о нарушении мирного договора характер риторики имеет заметные отличия, которые к тому же наблюдаются относительно места в тексте. В начале письма тональность послания имеет оправдательный характер ввиду сложившихся обстоятельств. Примечательно, что в таком контексте адресант обращается к адресату *на вы*: <...> *и при крестномъ целованью того есмо докладали и оповедали ся, ижъ волости Велижское вамъ, великому господару и великоу князю Феодору Ивановичу, не поступаем и овшемъ тую волост Велижскую мы, господаръ корол и великии княз Жыкгимонтъ Третии, <...>* [2, с. 197]. По отношению к себе адресант – Сигизмунд III – использует местоимение 1-го лица множественного числа *мы*. И в этом случае возникают сложности в идентификации *мы* как «*Мы* - величия» ввиду экспликации адресата при помощи местоимения *вы*, что стирает семантические границы. Говорить о «*Мы* - величия» здесь некорректно, поскольку и адресант, и адресат находятся в равном положении. В контексте это определяется примыкающими к местоимениям титулами: *господаръ корол и великии княз* семантически равен *великому господару и великоу князю*. Таким образом, есть основания считать, что в данном контексте мы наблюдаем попытку употребления местоимения *вы* как формы вежливости: <...> *из ласки наше господарское для васъ, великого господара и великого князя Федора Иванович, отпуцати велимъ* [2, с. 198].

К концу риторика послания приобретает резко негативный характер упрека, при этом в отношении адресата используется местоимение 2-го лица единственного числа *ты*: <...> *пры становенью перемирья и пры целованью чесного креста то оповедили и варовали, ижъ гдебы ты, великии господаръ и великии князь Федор Ивановичъ, отчизну нашу <...> воевати и поседати хотелъ, же намъ, <...>, от тебе, великого господара и великого князя Феодора Иванович, и от воицкъ твоих боронити вольно* [2, с. 199].

В документе о заключении мирного договора важным моментом является употребление по отношению к адресату местоимений *вы* и *твой* в рамках одного предложения: *Что прысылал до насъ, до великого господара, вы, великии господаръ Жыкгимонтъ Третии, <...>, послов своих великих – <...> – о докончаню и соединенью и то межы нас, великих господарей, ныне не стало се, и послы твои, великого господара Жыкгимонта Третего, <...>* [2, с. 136]. Исследовательский интерес вызывает употребление местоимений *ты*, *твой* и *вы*, *ваш* в рамках двух связанных предложений. Ср.: 1) «*А кого к нам ты, великии господаръ Жыкгимонтъ корол, пошлешъ своиъ великихъ пословъ в тые перемирные лета о докончанье и соединенье, и о всяких добрых [делах], и тымъ твоимъ великим послом прыехати к нам <...>* [2, с. 140], 2) *Также которые ваши послы или гости где ни поидуть от вас или к вам через наши земли с каким ли товаром будь, и намъ у тых ваших пословъ и у гостей товару не отнимати а пропускати нам к тебе послов и гостей <...>. <...> через твои земли с какимъ товаром нибудь, и тебе у тых наших пословъ и у гостей товару не отнимати, а пропускати тебе к намъ наших пословъ и гостей <...>* [2, с. 140]. В приведенных примерах обращения «на вы» и «на ты» идентичны, они не имеют семантических

различий относительно контекста, что указывает на отсутствие строгой нормы и сформированного речевого этикета.

В мирном договоре, ратифицированном Сигизмундом III, мы также наблюдаем отсутствие нормы в употреблении местоимений по отношению к адресату в лице Федора Ивановича. Ср.: 1) *Што прысылалі есмо к вамъ, великому господару и великому князю Феодору Ивановичу всея Руси <...>* [2, с. 181], 2) *А тебе, великому господару и великому князю Феодору Ивановичу, в тые перемирные дванадцать летъ моих, великого господара Жыкгимонта Третего, Божю милостю короля полского и великого князя литовского <...>* [2, с. 183]. Следует отметить, что, вопреки закрепившейся экспликации адресанта в форме местоимения 1-го лица множественного числа, здесь употребляется форма единственного числа *моих* (вместо *наших*).

Таким образом, несмотря на очевидное отсутствие в исследуемый период сложившейся нормы дипломатического речевого этикета, в частности, в сфере именованя участников коммуникации, в употреблении личных местоимений для именованя адресанта и адресата наблюдаются активные процессы речетворчества. В основном это проявляется в обусловленности выбора местоимения для именованя политического оппонента общей внешнеполитической ситуацией. В этом случае выбор личного местоимения становится своеобразным индикатором непростых отношений не только между монархами, но и между государствами в целом. Кроме того, в дипломатической переписке польско-литовского и московского государей, представленной в составе «Метрики ВКЛ» 1585 – 1600 гг. отмечается и нехарактерное для этого периода употребление местоименной формы вежливости «вы», что можно рассматривать как первые шаги к формированию дипломатического речевого этикета.

Литература

1. Кожетева, А. С. Языковая объективация адресанта и адресата в дипломатическом дискурсе [Электронный ресурс] / А. С. Кожетева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-obektiva>. – Дата доступа: 17.04.2020.
2. Lietuvos Metrika. Knyga 594: (1585 – 1600). – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006. – 300 p.
3. Резникова, Е. В. Личные местоимения и этикет / Е. В. Резникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 12 (165). – С. 119–125.
4. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 328–365.